

**РАЗВИТИЕ ЛИЧНОСТИ:
ВОСПИТАНИЕ И САМОВОСПИТАНИЕ
ШКОЛЬНИКОВ**

Таблица духовности

Евгений Ильин

Эту статью мы публикуем в рубрике, посвящённой проблемам воспитания, хотя она — об уроках литературы. Дело в том, что у хорошего учителя в подтексте любого его действия — воспитательное влияние на учеников. Своей личностью, своей позицией, оценкой событий, поступков людей. Автор статьи раскрывает самую суть педагогики — путь к человеку, к ученику на уроке. И понятие духовности, о котором так много спорят, он определяет просто и, на наш взгляд, очень точно: это отношение к человеку, отношение людей друг к другу. Эта способность — видеть тех, кто рядом, думать о них — лежит в основе культур человека, его нравственности. Вот почему предлагаем статью Евгения Николаевича Ильина в рубрике о воспитании — неявном, но эффективном: о воспитании примером личности учителя.

Гуманизация знаний, помимо утилитарных аспектов — защитить юного, растущего человека от превратностей жизни, её ударов, имеет и свою вертикаль: через *духовные* контакты помогать себе и другому *очеловечиваться*. А что такое духовность? — спрашивают ребята, родители, коллеги. Культура? Наука? Образование? Нет, это её заготовки. Сама же **духовность изначально — наш человеческий (!) интерес друг к другу, к людям**. Всегдашняя готовность услужить им — бескорыстно, ни за что. «Ежели кто кому хорошего не сделал, тот худо поступил», — говорит горьковский Лука. Значит, любой ценой — хорошее! Даже если не просят. *На хорошее всегда дефицит, его не*

может быть в избытке. Здесь-то и рождается наша ответственность за лучшего человека и лучшее в жизни; здесь вырастаем мы в самих себя, хороших — из того хорошего, что несём людям. **Мера нашей духовности — в масштабах действенного, практического, а не абстрактного интереса и внимания к человеку.**

«Какое это счастье — уважать человека!» — говорил А. П. Чехов; духовность — воплощение и выражение именно этого счастья.

До недавней поры что связывало нас друг с другом? Не только по воскресным, праздничным дням, но и в будни звало в гости? Было время (послевоенное), когда мы шли к тем, у кого был хлеб, и радовались, что он и они есть! Но «хлебная» проблема вскоре была решена, зато появилась другая: телевизор! Иной раз всем домом собирались в комнате, где светился голубой огонёк. Сидели локоть к локтю, плечом к плечу и — душа к душе. Сопереживали, обменивались репликами, а после счастливо расходились до следующего раза. Был несказанно рад и хозяин, собравший, а вернее, соединивший столько людей. Но вот и телевизор у каждого. Однако, как и прежде, мы ощущали теплоту человеческого присутствия, ещё на коммунальной кухне, где стояла иной раз не одна, а несколько газовых плит. Теперь и коммуналки ушли в прошлое.

Что же теперь позовёт нас друг к другу? Или каждый в своей отдельной квартире, сидя у своего телевизора, занятый своими переживаниями, будет пить свой чай? Вопрос отнюдь не праздный, затрагивающий проблему «людей», которой, всяк по-своему, мучились Достоевский, Толстой, Горький, Маяковский и ещё многие великие умы. Не оттого ли так грустен, актуален и злободневен смысл известной песни: «Чтобы най-

ти кого-то, готов всю Землю обойти...» А может, не надо всю Землю? Может, этот кто-то по-прежнему рядом, и школа должна помочь найти его? Его и дорогу к нему?

Втайне давно уже размышляю над самой крепкой связью, что не оборвётся ни временем, ни обстоятельствами, ни чем-то иным, — связью духовной... На пустом месте она, конечно, не возникнет и нужна не для того, чтобы ходить в театр, читать книги, слушать музыку... Прежде — общаться! Коммуникативное начало, по словам свергнутого с пьедестала классика, — «один из способов усвоения человеческой жизни». Стало быть, для жизни, а не театра и книги нужна нам духовность, точно так же, как театр не для узкого круга эстетов, а для всех людей. Однажды захотелось всерьёз выяснить, что же такое — духовность? Полистал кое-какие учёные книги, статьи. Ответа не нашёл. Заглянул в словарь синонимов. «Духовный» имеет значения: нравственный, моральный, внутренний, душевный... Но не отдельные слова, совпадающие или близкие по смыслу, а некая **понятийная формула, открывающая пафос и сущность урока, воспитывающего духовность как новый тип межличностных отношений, была нужна мне.**

Родилась она в рамках нового экспериментального предмета, который в течение года параллельно с уроками литературы вёл в педагогических классах. Тут необходимо отступление.

Хороший учитель — это хороший человек. Истина, казалось бы, знакомая. Но такой человек — с призванием учителя! — по большому счёту должен состояться. Не где-нибудь, а в самой школе. Учебное, этическое, профессиональное

Евгений Ильин

Таблица духовности

здесь наилучшим образом соединёны, а живая творческая практика, не искорежённая догмами, — самый мудрый, объективный учитель. Главное, не упустить *школьного человека* в той его счастливой поре, когда он значителен и ярок, во многое и многим верит, когда сам себе и другим интересен и видит свой идеал не за синей чертой горизонта, а рядом, в своём наставнике, который в педклассах (принципиальное новшество!) комментирует не только литературного героя, писателя, критика, но и себя как творца урока. Педклассы дают возможность ускоренным способом заложить основы новых форм и новой сущности педагогического сознания, качественно перестроить психологию учителя. Вместе с учеником и в самом ученике теперь вырастает он, учитель-гуманист, способный понять ребят, стать ближе к ним, когда придёт пора учительствовать... Впрочем, этому пониманию и ощущению надо помочь не стихийно, не двумя-тремя творческими приёмами и даже не системой приёмов, а иначе: глубже, органичнее. Тут-то и родился новый экспериментальный предмет: «практическое человековедение». В самом деле, что знаем мы о человеке, тем более юном, к которому то травмаем, то автобусом, а иной раз и пешком или на такси спешим поутру? Темы, планы, конспекты, задания — всё это есть — в портфеле. Но сам-то ученик среди них, воспользуюсь метафорой Маяковского, нередко теряется «скомканной бумажкой». Педагогическая самоуверенность, основанная на формальном, поверхностном знании человека и, стало быть, таком же подходе к нему, во всех звеньях учебно-воспитательного процесса выглядит довольно убого. Как тут не вспомнить строчки Е. Евтушенко:

Что знаем мы про братьев,
 про друзей,
Что знаем о единственной своей?
И про отца родного своего
Мы, зная всё, не знаем ничего.

Ещё меньше знаем о школьни-
ках — не потому, что их в классе
25–30, а просто в каждом из них не-
произвольно выпадал человек, так
как **в основном работали с учени-**
ком, игнорируя самые мощные им-
пульсы интенсификации знания —
духовные. Учитель-предметник, со-
вершенствуясь в роли массового ре-
петитора, невольно разрушал нрав-
ственные основы личности. Переки-
нуть «мостик» к институту — было
главной его заботой. «Мостики»
между людьми не волновали. Огра-
ничивались случайно переброшен-
ной «жердью», по которой надо ещё
ухитриться пройти. Всё про всё и
ничего про нас, людей! — незаметно
укоренялось в школе. Отсюда и же-
лание — не увлечь, взволновать, а
удивить фокусами, трюками, «нова-
циями». Оттого, что себя и другого
мы знаем хуже предмета, который
изучаем, ни сам предмет, ни наша
личная судьба, ни общество в целом
не выигрывают. Особенно проигры-
вает ученик.

Итак, «практическое человековедение». Друзья предупреждали: найдутся остряки и шутки ради, спутав «ведение» с «едением», тотчас нарекут людоедом, да ещё педагогическим. Не лучше ли новый предмет назвать... А вот другого-то названия и нет. Значит, всё-таки человековедение и непременно — практическое и, конечно, школьное. Что же касается остряков, то пусть в охотку повеселятся...

В новом предмете чётко выделил три наиважнейшие грани, три аспекта творческой работы с учеником-учителем: человековедение (от

глагола «ведать», т. е. знать, узнавать в полном объёме и во всей широте информации о нас самих). Человечество (научить будущего педагога искусству зоркости, умению «прощупывать» глазом того, с кем работаешь, — необычайно важно), человековедение — здесь обретаем практические навыки непростого искусства вести за собой, увлекать литературой, физикой, историей...

«Практическое человековедение», помимо трёх аспектов, имеет и три источника знаний. Во-первых, книга, преимущественно классическая, дающая наиболее полные, глубокие представления о психологии человека, специфике и сложности его внутреннего мира, поведения и т. д. В центре внимания, конечно, не только художественная информация, но и научная, публицистическая, мемуарная, в том числе и периодика.

Другой источник — жизнь во всех её возможных срезах: внешняя — внутренняя, общественная — личная, производственная — домашняя. Жизненные ситуации, как и художественные коллизии, в равной мере объект человековедческого анализа. Наконец, ещё один источник, ни в чём не уступающий двум предыдущим, — школа, в которой ученик педагога не только и не просто учится, но ещё и профессионально изучает её, ибо в перспективе сам пойдёт в школу.

Такой предмет компенсирует отчасти некоторые просчёты гуманитарного образования (дефицит учебных часов, узость программы, ослабление человековедческой тенденции и т. д.). Меня он не только не увёл от литературы, наоборот, по-новому и вплотную приблизил к ней, к её особой, уникальной роли в динамичной перестройке школы и общества.

«Практическое человековедение», стало быть, не разговоры о

том, как прекрасен, велик и сложен человек. **Это наша реальная, конкретная помощь человеку, школе, государству**, поскольку, моделируя тип учителя-гуманиста, мы умножаем духовный капитал общества. А не лучше ли элементами человековедения наполнить другие школьные дисциплины, тот же урок литературы, истории, а может, и других предметов? Слышал и такое. Нет, не лучше. Сегодня нужен крупный план ученика, значит, и предмет, соответствующий такому плану. Через практический аспект человека, вписанного в реальную жизнь школы, семьи, общества, многое открылось и во мне самом, без чего, даже зная человека, не всё поймешь в нём. И тут потребовалось мужество — по совести взглянуть на себя, чтобы лучше узнать и понять другого, помочь ему и как человеку, и как человеку, который завтра поможет многим, став учителем.

Вместе с педклассовцами на уроках «практического человековедения» изобрели новую школьную тетрадь. Чтобы воспитать *духовность* как высшее проявление человечности, как опору опор, нужна, очевидно, некая «таблица», которая будет помогать упражнять нашу душу, чувства, порывы. Математическая — есть! Она на обложке тетради, а духовная? Титульный лист, увы, пустой, гладенький. Где же единицы измерения нравственные? Вот тут-то и стали искать формулу духовности. И помог нам Пушкин — своим «Пророком»: в нём до банальности известная каждому строчка — «Глаголом жечь сердца людей». Долгое время школа занималась, к сожалению, только «глаголом» — знаниями, образованием, обучением. Сколько диссертаций, рефератов, монографий на этот счёт! Но сам человек как явление нравственно вы-

соекое невесть каким образом оставался в стороне. Не глаголом, жгущим сердце, преобразующим душу, ум, совесть, а с пустой «десницей» шли к нему, удивляясь, почему не пылает светом духовности его чело. Не пылает, **потому что огня этого нет, хотя знания — обширны.** Все глаголы рассчитаны на голову. Что ж удивляться, если «духовной жажде» многие предпочли иную, с которой всё труднее и труднее бороться.

На сегодняшнем школьном «перепутье» (перейдём от метафор к реальности) не «крылатый серафим», а сам учитель должен «явиться» к себе самому и ответить на главный вопрос: способен ли он шагнуть дальше «глагола», т. е. дальше себя, учителя-предметника, к духовной миссии человековеда? Лирическому герою «Пророка», к примеру, удалось встать над собою, поэтом, и не «глагол», а «человека» ощутить на переднем плане, а в человеке — его самую чувствительную сферу: сердце. Не в нём ли истоки гражданственности, патриотизма, социальной справедливости, трудолюбия, духовности, наконец? Значит, с глаголом — к человеку! В буквальном, а не только в переносном смысле — с глаголом, ибо в нём как в части речи «жгущее» начало — активное действие, движение — выражено остро, результативно. Прилагательные (моральный, внутренний, этический, нравственный) нас не устраивали. Наречия — тоже. Даже классические формулы духовности, дошедшие до нас из глубин веков, — Вера, Надежда, Любовь; Истина, Добро, Красота, — казались недостаточными, отвлечёнными, хотя бы уже потому, что лишены действия. Хотелось проще, но конкретнее. Так из самых глубин пушкинских междустрочий, иносказаний, аллегорий, а в общем — из недр человеческого опыта

родились пять глаголов, определивших «рабочую» формулу духовности, как я её понимаю, ибо не считаю себя вправе кому-то её навязывать. Мне как учителю она помогает ощутить в человеке человека и решить проблему «людей», не упрощая социальной сложности мира. Решить на своём крохотном «пятячке» — в школе, где работаю. Другими словами, дать ей *нравственный* ключ, которым, быть может, многое открывается. В школьном звене — источник наших многих ускорений: экономических, производственных, моральных. Здесь в гораздо большей степени моделируется новый тип мышления, сознания и в итоге — качества жизни. Школа — фундамент духовной перестройки и самой себя, и общества целом, и мира, в котором живём и за который ныне как никогда в ответе.

И вот на серенькой обложке обыкновенной школьной тетради — необычный, во всю страницу рисунок: данковская рука, вскинутая вверх, держит на ладони пылающее огнём сердце. А в лучах этого фантастического огня пять глаголов-заповедей, символов, определивших таблицу духовности: *любить, понимать, принимать, сострадать, помогать*. Каждый глагол в отдельности, хоть и взят из жизни, опыта человечества, всё-таки банален — в том смысле, что каждому знаком и особых эмоций не вызывает, разве что скептическую улыбку. Но над связью, ставящей их рядом и в указанном порядке, стоит подумать, как и над тем, почему глаголов именно пять, а не четыре и не шесть? Если *любить* затрагивает сферу чувств, без которой изначально немислима духовность, а *понимать* несёт в себе смысловое, интеллектуальное начало, попросту знание как основу духовности, то *помогать* — чувство и мысль приво-

дит в действие, поступок. Оно или он, естественно, не могут быть одно-значны, ибо разным людям в разное время нужна и разная помощь: иного, образно говоря, полезно погладить ладонью, другого (с той же целью) подтолкнуть кулаком. Воинствующему злу противопоставим воинствующий гуманизм, не уподобляясь горьковскому Луке или толстовскому Каратаеву. Помогать — иной раз и безжалостно бить. «Ладонь» и «кулак» учитывают все аспекты помощи. Безусловно, душа формулы — глагол *сострадать*. Поспорили, почему он лучше, чем *сопереживать*, где, казалось бы, учтена более полная амплитуда душевых движений.

Глаголы наши не статичны, нет. Последовательностью и внутренней взаимосвязью они определяют динамику развития чувства любви. Каждый по-своему и ступень, и новый уровень духовности. Центральный, связующий глагол *принимать* несёт в себе идею коммуникативности, общения, вне которого ничто не имеет смысла. Мы не ставили целью разобратся во всех аспектах и связях одного глагола с другим: это особый, специальный разговор, который ещё предстоит.

К известной формуле Макаренко «воспитывать деятельностью» добавляю — и *духовной*, т. е. одухотворённым интересом к человеку, ко всем граням его внешней и внутренней жизни. Эгоистической позиции: «Что для меня сделали?» — мы противопоставляем данковскую: «Что сделаю я для людей?» Возведение человека в человека моих ребят (и физиков, и математиков) увлекает не меньше, чем возведение степени в степень, и строчки М. Дудина: «Неизбыточной любовью прекрасна простая душа» — им комментировать не нужно. Эту любовь, а с нею и душу

возрождают наши глаголы, формирующие *доброумного* человека.

Свою формулу мы тщательно вывели научным пятикомпонентным подходом. Тем не менее продолжаем над ней работать. Необходимо шире раскрыть и обосновать идеологически каждый глагол, чтобы от рассуждений перейти к реальной педагогической помощи. Формулу считаем дифференцированно-целостной. Её суть в самой идее: человека воспитывать человеком, а не только коллективом, организацией, средой... «Человек человеку очень даже может помочь», — говорил Горький. Мы не хотим упустить такой возможности: человек — человеку! Не только общество — нам, а мы — ему, но и мы — друг другу обязаны помогать в интересах общества и каждого из нас, тогда и само общество обретёт большую способность ответить нашим чаяниям. Понятно, духовность просто так не возьмёшь, как берём, например, знания, навыки. Её нужно впитать, это — процесс сложный, но мы даём ему начало и верим, что именно он соединит образовательную и нравственную культуру. «Вы рождаете спасителей человечества — людей, любящих друг друга!» — получил такую записку в новосибирском Академгородке. А что, может быть, и в самом деле настала пора формировать «спасителей» через концепцию «выживания»? Духовность как эстетику *человека*; как активное *милосердие*; особое *внутреннее зрение*, когда, подобно Платону Каратаеву, и во тьме увидишь лицо; способность *без слов понимать* друг друга, как Соня Мармеладова. Каждый должен быть сегодня человекознателем. Так сказала о Пушкине кишинёвская школьница в парке, где у памятника великого поэта мне довелось провести урок перед телекамерой в октябре 1987 года.

Что в сущности волнует учителя — не предметника, а педагога? Вырастить, с одной стороны, честного, порядочного человека, а с другой — защитить его от превратностей жизни. Так вот, обе взаимосвязанные проблемы решаются одной: воспитанием духовности. Курсивом и другими возможными акцентами упрещаю: наши глаголы — всего лишь робкая попытка без пышных слов и пустых абстракций практически соприкоснуться с ключевым явлением века — дефицитом человечности и устранить его хотя бы на том малом пятачке, что именуется школьным классом. Наши глаголы остаются с нами! Мы их никому не навязываем и не боимся, что среди них формально отсутствует глагол *ненавидеть*. Ненависти научить легче, чем любви. Среди прочих истин

усвоили и эту, и человеческим вниманием друг к другу боремся за наши идеалы.

Однажды был задан вопрос: «Уживутся ли в одной школе 40 таких, как Амонашвили, Волков, Шаталов и другие новаторы?»

Новаторы — народ беспокойный, заносчивый (ещё и в том смысле, что их всё время куда-нибудь заносит), каждый со своим «методом». Уживутся! Ибо не на мелких честолюбиях, а на духовной основе будут строить взаимоотношения. Своего коллегу тоже ведь надо и понять, и принять, а в чём-то и помочь ему. Когда не делаем этого, то и наша работа с учеником выглядит неубедительной, половинчатой, а сами мы не дорастаем, сколько бы и как бы хорошо ни работали, до своего главного предмета — человека.

ВОСПИТАТЕЛЬНАЯ РАБОТА В ШКОЛЕ



Концептуальная идея журнала — воспитание. Делом: нравственная проповедь не может заменить тренинг нравственных привычек, а знания и интеллект не гарантируют становление в человеке доброты и порядочности. В каждом выпуске педагог-практик найдёт следующие разделы: «Методология», «Концепции и системы», «Управление и проектирование», «Технология и инструментарий», «Педагогическая мастерская», «Исследования и эксперименты», «Сценарии и алгоритмы», «Педагогический лексикон». Шесть выпусков в год. Индекс — 81218, 79043